

Александр Савченко, как мы однажды говорили, писатель. Недавно он закончил повесть "Океаны сливаются с небом" о художнике Николае Гриценко, знаменитом маринисте, родившемся в Кузнецке и, к слову, женившемся на дочери известнейшего галериста Третьякова. А недавно мы получили такое послание:

Время скакануло, особенно после начала Нового года... Как говорится, я проснулся в пять часов - слышу много голосов... И один из них - мой внутренний. Вспомнил, что до этого два года сидел над темой Достоевского. Все готовил себя к февралю 2017 года... А тут само пришло... Короче, предлагаю отрывок (главку) из повести "Неисповедимы дороги". Это о трех посещениях Фёдором Михайловичем нашего Кузнецка. Конкретно написанного кем-то об этом случае очень мало. Точнее, почти ничего нет. А факт венчания - это моя художественная реконструкция. Пришлось тряхнуть стариной. Собрал раньше материал о художнике Гриценко, вышел на тему Достоевского. Семипалатинск - Кузнецк, три поездки. Его дороги общей длиной в 4,5 тысячи верст. Каждая из встреч с Марией Исаевой. Много описаний Кузнецка того времени. Я, кстати, начал свою жизнь в городе в 300 метрах от того места, где впервые появился на Форштадте писатель. Жил на углу переулков Блиновского и Зеленой. Дело было еще при старой тюрьме. Все это помогло вообразить, как бы могло раньше произойти знаменитое действо.

С уважением Александр Савченко.



# Венчание Достоевского

## Глава из повести "Неисповедимы дороги"

Одним махом пролетел декабрь. Уже заканчивался январь...

Второй день по вечерам Тюменцев растолковывал тонкости проведения будущей свадьбы. Достоевского меньше всего интересовали домашние послецерковные посиделки, да и само венчание он понимал, как проведение установленного церковного ритуала, при этом в душе желая устроить все как можно быстрее и проще.

- Ну, не мной оно придумано! - перекрестился Евгений Исаакович. - Веками складывалось так. Венчание, дорогой Федор Михайлович, относится к одному из семи таинств Святой церкви. С помощью его будущие супруги получают особую благодать. Жених и невеста дают взаимные обещания в верности. За это получают Божье изъятие на рождение и воспитание детей.

Марья Дмитриевна улыбнулась. Это не прошло мимо цепкого взора Тюменцева.

- Да, я, батюшка, о своем, - робко промолвила Исаева.

Настала очередь улыбнуться Тюменцеву. Он с некоторым смущением произнес:

- Простите, я как-то запямятовал: вы же уже однажды стояли под венцом... Тогда все слова мои только к вам, Федор Михайлович.

- Я все понимаю, отец мой, но я человек при исполнении воинской службы. И ограничен во времени. Сроки моей отлучки оговорены с непосредственным начальством. А оно... знаете где. На ухо никому не шепнешь и не докричишься:

- Вы, голубчик мой Федор Михайлович, тоже войдите в наше церковное положение. У нас есть писанные и неписанные законы. А исполнять их надо все! При огромнейшем моем желании не могу вас обвенчать в любой день! Хоть убейте! В нашей православной церкви венчание нельзя проводить по вторникам, четвергам и в субботу. Это раз! И не в каждый божий праздник. Два! Да во время постов - уже три! Святки, дай бог, прошли, а до Сретенья далековато. Еще бы не угадать на пасхальную неделю. К тому же серьезная работа у нашего причта: обыск, опрос поручителей. Кстати, буду рекомендовать нужных и благонадежных людей...

Промолчал какое-то время, углубившись в себя.

- Поразмыслил я и скажу, что кроме как шестого февраля, то есть в ближайшую пятницу у нас ничего не выйдет. Если не получу вашего согласия, то уж как Бог вам даст...

- Я согласен! - с готовностью сказал Достоевский.

- Да, мы согласны, - подтвердила, кашлянув, Марья Дмитриевна.

На другой день Достоевский и Исаева снова появились в храме. В официальном порядке Достоевский заявил священнику о своем желании обвенчаться. Тюменцев вызвал дьячка, поручил ему, как полагается, записать звание, имя и фамилии желающих встать под венец. Потом объяснил, что в ближайшие три дня он делает оглашение. Все знающие приходских венчающихся могут сообщить церкви об известных им препятствиях для совершения брака. Вместе с оглашением причт церкви проведет брачный обыск.

- Если никаких препятствий не возникнет, то, учитывая щепетильность вопроса, наш храм отнесется с глубоким пониманием к вашему желанию совершить чин венчания.

И Тюменцев еще раз обратил внимание на то, что приготовления к венчанию должны быть завершены строго до шестого февраля. Достоевский признался, что обручение к настоящему времени совершенно во время помолвки, и показал кольцо на безымянном пальце правой руки.

- Вы уж только нательные крестики не забудьте!..

Венчание назначили на начало второй половины дня. Кошечка с женихом и невестой прикатила с ветерком в сопровождении еще четырех саней. У дверей храма толпился народ, в большинстве местные жители с Подгорья да с Форштадта, были тут и нагорские завсегдатаи. Оказалось много любопытствующих, но все пришло с добром и радостью. Впереди, как полагается, стояли известные и именитые в городе люди. Поутру небо заваливало землю снежком, а около двух часов выси разъясьнулись, выглянуло теплое солнышко.

Перед входом в храм отец Тюменцев надевает взятые заранее кольца жениху и невесте. Те трижды ими обмениваются, что символизирует передачу власти супруги над собой. С этой минуты пришедшая пара официально значится женихом и невестой.

Тюменцев вводит их в центр храма, останавливаясь перед аналоем. Кто-то попытался протиснуться вперед, но на него шикнули. Невеста в голубом платье с длинными рукавами и с буфами, как посоветовала ей форштадтская портниха. Подол платья касается кромки черных пимов. На голове светлый цветастый платок. На женихе темный мундир с золотыми погонами - по одной звездочке на красном просвете. Начиненные до ослепительного блеска выгнутые латунные пуговицы - по шесть штук в два ряда, на ногах высокие офицерские сапоги. Невеста стала по левую руку от жениха.

Взошедший, было, на алтарь Тюменцев возвращается. Впереди него дьяк и подъячий несут Евангелие и Святой Крест. После благословения священника жених и невеста сообщают крестное знамение. Тюменцев сообщает, что брачный обыск под номером 17 произведен. Документ подписан женихом, служащим Сибирского линейного батальона № 7 прапорщиком Федором Михайловичем Достоевским и невестой, вдовой коллежского секретаря Марией Дмитриевной Исаевой, а также их поручителями коллежским асессором Иваном Мироновичем Катанаевым и чиновником таможенного ведомства Петром Сапожниковым, государственным крестьянином Михаилом Дмитриевичем Дмитриевым и чиновником Кузнецкого училища Николаем Вергуновым. И, наконец, сообщил, что обыск произведен в присутствии членов причта Одигитриевской церкви священника Евгения Тюменцева, дьякона Петра Лашкова, дьячка Петра Угрянского и пономаря Ивана Слободского. Жених, со своей стороны, представил специальное дозволение за № 167 от имени командира Сибирского линейного батальона № 7 полковника Беликова.

Достоевский слабо морщится, он вспомнил, что давно не бывал в светлом и многолюдном храме. Взором выхватывает лица знакомых и незнакомых людей. Прикрыл широкие глаза исправник. Туманными глазами смотрит куда-то в темный угол Вергунов, нечаянно навалившееся горе совсем сбило с панталыку растерянного учителя. Рука об руку стоит

чета местных докторов Гриценко - Николай Семенович и Анна Фоминична. Переминается с ноги на ногу простуженный хозяин квартиры Исаевых - Дмитриев. Возле матушки Елизаветы Павловны Тюменцевой лупает глазами Машин сын Паша. Где-то позади других тянет голову из-за чужого плеча Вагин. Федор Михайлович мимолетом определил, что народу на его торжество собралось поболее сотни человек...

Сладко щекочет нос запах горелого воска. То и дело открывается входная дверь, припоздавшие насоро снимают с морозу шапку и крестятся. Горбатенькая женщина из церковной службы зажигает венчальные свечи, священник раздает их жениху и невесте. Те принимают по свече в левую руку, женщина подает два белых платка - ими обертывается низ свечей, чтобы стекающий воск не обжигал руку. На пальце жениха золотое кольцо - символ солнечного цвета и мужской силы, у невесты серебряное колечко - металл символизирует лунный свет и женское начало.

Тюменцев читает молитвы и просит у Бога даровать венчающейся паре детей и внуков. Каждый раз, когда крестится священник, крестится Достоевский и Исаева.

Свидетели подносят к жениху и невесте венчальные короны, те их целуют, после чего свидетели продолжают держать венцы над головой будущих супругов.

Тюменцев читает молитву Господню "Отче наш". Голос Тюменцева необычайно торжественный, поднимается до самого купола.

- Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Ибо твое есть Царство и сила и слава во веки!

После чтения он осеняет крестным знаменем чашу, наполненную красным вином, протягивая ее будущим супругам: сначала ему, потом ей.

- Я беру тебя в жены! - несколько раз произносит жених.

- Я беру тебя в мужи! - столько же раз повторяет невеста.

После этого Тюменцев объединяет руки Федора Михайловича и Марьи Дмитриевны, поверх рук кладет епитрахилью (широкую ленту, огибающую шею священника, и обоими концами спускающуюся на его грудь) - и уже на нее возлагает свою ладонь. Это означает, что вечный брак заключен и благословлен небесами.

Пара поочередно целует иконы Божией Матери и Спасителя, после чего Тюменцев еще более торжественным голосом восклицает:

- Я объявляю вас мужем и женой!

Он берет чету Достоевских за руки и обводит их вокруг аналоя.

Все близкие и знакомые Федора Михайловича и Марьи Дмитриевны отрываются от общей толпы и бросаются к молодоженам. Весь обряд длился около одного часа.

В знак единения двух сердец раздается звон с колокольни Одигитриевской церкви. Звон забирается в высоту и плывет над замерзшими тополями и скованной льдом Тотьмо далеко в сторону, куда через несколько дней увезет удалая тройка семью Достоевских.

Александр Савченко.